С. А. Панкратова

КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕТАФОРИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Основной предмет статьи — метафора как когнитивно-семантический инструмент. Наряду с такими совершенными изобретениями человечества, как, например, микроскоп, метафора способна пролить свет на образно-интуитивные механизмы творческого мышления, восполняя пробелы в процессе логически-рационального познания, что открывает возможность описания концептуальных абстракций, выходя за пределы сложившихся прототипных метафорических моделей.

Ключевые слова: ассоциация, метафора, когнитивная модель, фрейм, концепт.

S. Pankratova

COGNITIVE AND SEMANTIC ASPECTS OF METAPHORIC MODELLING

Metaphor is regarded as a cognitive-semantic device. Together with such sophisticated inventions of humankind as microscope or X-ray, metaphor is able to shed light on intuitive and creative mechanisms of thinking process, thus filling the blanks in the fund of logically objective human knowledge, which opens the possibility to describe abstract concepts of human mind in terms reaching far outside the limits of standard metaphoric models.

Keywords: association, metaphor, cognitive model, frame, concept.

В наши дни, как никогда прежде, возрос интерес к метафоре — к понятию, известному в науке вот уже две с половиной тысячи лет [1] и ныне интенсивно изучаемому с различных сторон, с различными научными задачами и с помощью разного научного аппарата. О высокой *степени разработанности проблемы* свидетельствует обширный круг литературы, посвященной метафоре, дающей философский, лингвистический и когнитивный анализ этого многогранного явления; сама библиография по метафоре насчитывает около четырёх тысяч работ [10, 17]. Однако в наши дни только начинают появляться психологические и лингвистические исследования метафоры как познавательного механизма, отвечающие главной тенденции изучения метафоры начала XXI века — постепен-

ному отходу от воззрений на неё как на второстепенную по своей роли риторическую фигуру, своего рода «продукт» субъективного восприятия и отражения мира творческой личностью, во многом непредсказуемый и непрогнозируемый. Междисциплинарный, когнитивно-семантический подход определяет *актуальность* изучения метафоры как мыслительного механизма. *Новизна* данного подхода состоит в том, что интеграция лингвистических и психологических данных заставляет взглянуть на метафору гораздо шире прежде обусловливавших её понимание рамок тропеизма и системоорганизующей роли в языке и рассматривать её как универсальный когнитивный механизм, позволяющий осуществлять концептуализацию нового онтологического явления по аналогии с уже сложившейся системой понятий.

Цель статьи — осветить значимость и вскрыть суть ранее не так активно разрабатываемой (по сравнению с назывной, информативной и эмотивной функциями) эвристической, познавательной функции метафоры, комплексное исследование которой находится ещё в начале пути.

В чём же заключена эвристическая, познавательная функция метафоры? Действительно, человеческое сознание устроено так, что всё новое, нетрадиционное провоцирует поиск объяснения, поиск рационального зерна, лежащего в его основе. Вот почему дети настойчиво требуют от взрослых объяснений непонятных им вещей, а взрослые, став свидетелями непрогнозируемого явления, пытаются найти ему логическое обоснование. Учёный выдвигает гипотезу и не отступает от неё, добиваясь либо подтверждения, либо ее опровержения. Попытка понять непонятное выступает в виде основной движущей силы исторического развития личности и общества. Весь познавательный процесс носит верификационный характер и находится в отношении «вопрошания» к познаваемому материальному и нематериальному миру, что реализуется в ряде основных смысловых вопросов: *«кто?», «что?», «где?», «когда?», «куда?», «зачем?», «почему?», «какой?», «как?», «сколько?»* и т. п. В этой связи становится очевидной терапевтическая сторона познавательно-поисковой активности человеческого сознания — всё непонятное, неопределённое вызывает отрицательные эмоции. И, наоборот, простые и объяснимые вещи приводят нас в состояние душевного равновесия. Реалии мира вызывают вопросы, ответы на которые должны быть найдены и должны принести человеку радость и ощущение безопасности**.** В таком ракурсе метафорический выбор — это основанный на механизмах вторичной номинации поиск нового описания абстрактного концепта, осуществляемый в познавательных, эвристических целях (греч.: ‘heurisko’ — отыскивать, открывать) и способный дать объяснение сути непознанного абстрактного концепта и даже привести к «каскаду» новых мыслей, догадок, первичных рабочих гипотез и теорий.

Преимущество метафорического способа усмотрения истины — в том, что, изначально принадлежа к фантазийно-игровой форме духовного творчества, метафора базируется на иной, более богатой, чем рационально-логические формы мышления, «имагинативной» логике. Это позволяет достигать более плотного, точного и концентрированного описания действительности. Благодаря творческому по своей природе метафорическому выбору к истине приходят незатратным путём интуиции (лат.: ‘intueor’ — пристально смотрю), которая есть «…опыт не до конца осознаваемого, но тщательно препарируемого разумом постижения истины прямым усмотрением» [9, с. 53].

Процесс метафорического выбора приносит также и радость творчества, откры-

тия новых фантазийных, виртуальных миров благодаря тому, что метафора нацелена на одновременное постижение и истинного, и прекрасного или красоты истинного. Метафора, по словам Поля Рикёра, видного специалиста в области метафор, — не только одновременно дар гения, но и мастерство геометра, превосходно владеющего наукой пропорций. Объяснением этому служит положенная в основании метафорического выбора интенция укрепления уверенности в его истинности. Постоянным чувством, сопровождающим метафорический выбор, является удивление, а не принятое в рационализме скептическое сомнение. «Интеллектуальное озарение и эмоциональный катарсис — взаимодополняющие аспекты неделимого процесса» [15, с. 12–14], в котором возникшее ощущение красоты служит дополнительным подкреплением истинности элегантно решенной проблемы.

На первый взгляд может показаться, что знание механизмов метафорического выбора необходимо лишь учёным для популярного объяснения своих достижений — к примеру, электричество уже давно и традиционно принято представлять как текущий **«поток»** или **«облако»** электронов. Однако это не совсем так. Знание механизмов метафорического выбора необходимо всем простым людям, не только сознание, но и поведение (потребительские привычки, способ отдыха) которых оказалось объектом **«манипуляций»** средств массовой информации, сплошь и рядом бросающих в массы лозунги из промышленной когнитивной модели «ОБЩЕСТВО > ФАБРИКА». В более широком социально-культурном контексте достраивание этой когнитивной модели способно привести к пониманию, что человеческое сознание в рамках этой модели — **«сырьё»** для **«манипуляций»** пиарщиков, в руках которых — искусные языковые **«инструменты»,** обслуживающие **«индустрию развлечений».** Объектом рекламного **«ремесла»** становятся ещё **«неотшлифованные»** установки нашего сознания, в которое на ежеминутной **«наковальне»** рекламы **«вбиваются»** не нами выбранные **«стандарты».** В результате такой **«обработки» «прикованное»** к экрану человеческое сознание выдаёт столь желанный для рекламщиков **«продукт»** из уродливого **«сплава» «шаблонных»** желаний и потребностей, включающих человека в бесконечный **«конвейер»** потребления. Эта когнитивная модель не передаёт всего разнообразия промышленной лексики английского языка как основы этой модели. Противовесом этой когнитивной модели в жизни может быть этика умеренности в привычках, на языковом уровне необходимо осознать и изучить когнитивные механизмы метафоризации.

Более чем двухтысячелетняя история изучения метафоры показывает эволюцию её понимания как скрытого сравнения через аномальный подход и теорию взаимодействия к когнитивной теории метафоры, определяющей её как способ существования лексики гипотетических пространств, «невидимых миров» человеческого сознания и подсознания. Обращаясь к экскурсу в историю современного, когнитивного подхода к метафоре, отметим, что не сразу фокус её изучения сместился из стилистической сферы (где метафоре отводилась второстепенная роль риторической фигуры, усиливающей эмоциональное воздействие) в когнитивную сферу. Лингвистика долгое время, по словам Поля Рикёра, развивалась под опасением распахнуть ворота семантической овчарни «волку» психологизма. Параллельно с этим когнитивная психология изучала нейрофизиологические процессы ассоциирования при помощи главных методов естественных наук (наблюдения, эксперимента и измерения). В ходе их работы психологам по-

требовались некогнитивные, образные объяснения мыслительных процессов для того, чтобы «…вывести психологию из болота ментализма» [14, с. 9]. «Болото ментализма» здесь следует понимать как научную терминологию, описывающую суть и результаты экспериментов, но не способствующую доходчивому объяснению научных открытий и взаимопониманию среди самих учёных. А ведь существует огромный пласт научных терминов-метафор. Это подметили психологи З. Фрейд и Г. Фехнер, представив бессознательное как **«тайник»,** заглянуть в который можно сквозь **«окна»** души, которыми являются речь и чувства.

Так сложились предпосылки возникновения когнитивной науки, изучающей мыслительные процессы, в том числе и метафоризацию, на новом, интегративном уровне — с позиций наук как «естественного» цикла (нейрофизиологии и теории информации), так и «семиотического» цикла (логики, философии и семантики). В истории этот период 70-х годов прошлого века, когда произошёл пересмотр взглядов на изучение сознания, стали называть *когнитивной революцией* (англ.: ‘Cognitive revolution’, ‘Cognitive turn’). Ключевой в когнитивистике стала метафора «МЫШЛЕНИЕ > МЕХАНИЗМ», поскольку именно тогда благодаря трудам кибернетиков Ч. Беббиджа, Н. Винера, Дж. Шеннона, когнитивных психологов и антропологов Дж. Миллера, У. Найссера, Ж. Пиаже, Р. Д’Андрада, Р. Редфильда активно изучался искусственный интеллект. Именно под влиянием новейшего для тех дней изобретения человечества сознание стали рассматривать как «компьютер», извлекающий из памяти сенсорные данные и «трансформирущий» их ради решения познавательных задач. Большая словарная статья посвящена механической метафоре в «Кратком словаре когнитивных терминов» Е. С. Кубряковой [4].

Пожалуй, самым последним достижением когнитивной лингвистики стала *Теория концептуальной интеграции* М. Тёрнера и Ж. Фоконье, которые рассматривают метафору как особый вид ментального проецирования (англ.: ‘mapping’ — проекция) концептуальной области-источника на область-цель, одновременно с которым сознанием создаются и хранятся в кратковременной памяти временные промежуточные концептуальные зоны (англ.: ‘blends’ — сополагаемые сферы), которые затем встраиваются в структуру знания в момент речи и служат важной составляющей когнитивного процесса [18, с. 183–204].

Из вышеприведённого отрывка становится очевидным, что современные когнитивные подходы к изучению метафоры зачастую грешат излишним психологизмом когнитивных описаний, а это, в свою очередь, выявляет необходимость хотя бы минимальной расшифровки используемых терминов. Так, не совсем ясным остаётся утверждение о том, что механизм метафоризации «ингерентно» встроен в языковую систему. Как именно метафора формирует, структурирует и предопределяет наш способ мышления о мире? Способна ли метафора предопределять и практические области жизнедеятельности — наше поведение, мораль, политику, искусство? Выходит, что феномен метафоры как фундаментального свойства языка разработан разносторонне и в то же время не системно, он не получил комплексной трактовки с психологической и семантической позиций. Ответ на поставленные проблемы лежит в русле интегративного, когнитивно-семантического подхода к языку. Для этого необходимо уточнить само определение метафоры, под которой понимают и сам психологический процесс ассоциирования, и его языковое воплощение.

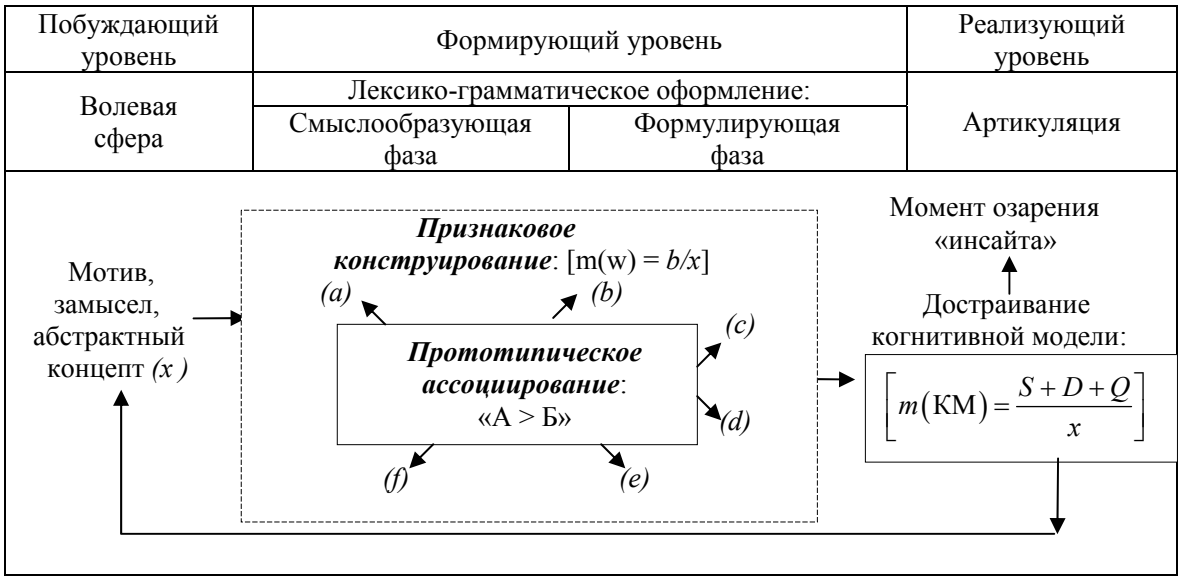
В предпринимаемой попытке изучить эвристическую роль метафорического вы-

бора *задачей* первой очерёдности, естественно, является согласование многочисленных (лингвистических и психологических) терминов, касающихся метафоры. Так, взамен лингвистическому термину «метафора» (неявно объединяющему стилистико-риторические аспекты самого процесса и его результат) и психологическому термину «ассоциирование» (имплицирующему простую связку «стимул > реакция») был предложен термин *метафорический выбор* — исследуемый в русле интегративного подхода к языку когнитивно-семантический механизм. Он интегрирует как полученные «естественнонаучными» методами (наблюдение и эксперимент) когнитивные данные о психологических процессах ассоциирования, так и полученные «семиотическими» методами (языковое моделирование) уже зафиксированные в словарях и в художественной литературе данные о семантических процессах вторичной номинации.

Неоднозначной представляется и *задача* прояснения природы основных участников метафорического выбора. Здесь в качестве исходного принимается положение о том, что объект изучения лингвистики — это не сами нематериальные структуры сознания, а выражающие эти структуры элементы языка — концепты, опредмеченные в языковой форме слова (имени концепта) многомерные психические образования сознания. В теории метафоры уже были разнообразно поименованы участники метафоризации (главный субъект и прилагаемая к нему система имплицируемых признаков вспомогательного субъекта) — референт/коррелят, тема/контейнер, рамка/фокус, источник/цель, донор/акцептор, содержание/оболочка [12, с. 221–223]. Однако ни одна из пар именований не учитывает эвристическую цель познания. В соответствии с целью открытия новых сторон концептуальных абстракций, главные участники метафорического выбора поименованы как недостаточно познанный абстрактный концепт, не имеющий материального денотата (лат.: ‘explanans’, ‘explicand’ — объясняемое) и объясняющий его системой своих импликаций конкретный концепт, соотносимый со словом с конкретным, предметным значением (лат.: ‘explanandum’ — объясняющее). Результатом метафорического выбора является *когнитивная модель* (КМ) — языковое средство концептуализации и упорядочения реальности, обладающее гибким, изменяемым по мере роста человеческого опыта каркасом, на который «нанизываются» различные по степени детализации и объему вербальные единицы.

Главным *достижением* изучения эвристической функции метафорического выбора стало понимание, что его механизмы не противоречат, а вписываются в разработанную отечественными психолингвистами Л. С. Выготским, А. А. Леонтьевым, А. Р. Лурией, С. Л. Рубинштейном *функциональную психологическую* модель формирования и формулирования мысли посредством языка. В рамках этой модели метафорический выбор может быть рассмотрен как один из творческих мыслительных механизмов. Допуская неизбежную в нашем случае аппроксимацию, заметим, что мышление — процесс, в котором человек выделяет элементы действительности и вновь связывает в сознании различными способами — и не только на основе ведущего для метафорического выбора тождества элементов, а, бывает, и на основе их различия, принадлежности, последовательности и причинности.

Побуждает к началу метафорического выбора чувство, что общепринятые когнитивные модели в чём-то неполно или неадекватно описывают тот или иной недостаточно познанный абстрактный концепт, а завершается весь процесс достраиванием когнитивной модели (в це-



лях проверки верности избранной прототипной метафоры), а также моментом озарения-«инсайта» (который может и не наступить, и тогда весь процесс повторяется снова). Всё это отражено в обобщённой схеме метафорического выбора.

Пояснения к схеме: метафоризация единичного слова представлена дробью [$m(w) = b(c,d,e\ldots)/x$], где (w) — интенсионал исходного значения, числитель — гиперсема производного значения, содержащая конкретные семы *(a,b,c…etc.)*, знаменатель — гипосема производного значения, содержащая абстрактный денотат *(x)*, являющийся пусковым моментом метафорического выбора [6, 7, 8]. Метафоризация целой **когнитивной модели** (КМ) представлена дробью [m(КМ) = = $S+D+Q/x$], где абстрактному денотату *(x)* предицируются (по отдельности или в целой связке) обобщённые признаки конкретной сферы — структурные S (субъект, место, инструменты, объект), динамичные D (предикаты начала, содержания и результата процесса) и/или качественные Q (характеристики процесса).

Два момента общей схемы мысле-и-речепорождения, отличающие творческий по своей природе метафорический выбор от стандартного ословливания мысли — *прототипическое ассоциирование* (ПА) и *признаковое конструирование* (ПК) необходимо рассмотреть подробнее.

В первую очередь привлёк к себе внимание доступный изучению в рамках когнитивного подхода к метафоре механизм *прототипического ассоциирования*. Это мгновенный процесс ассоциативного воспроизведения прежде зафиксированной в опыте межпонятийной связи, оставляющий вне поля зрения предметно-логический уровень смыслообразования, т. е. то, какие именно признаки послужили основанием метафорического выбора. Проще говоря, за произнесением абстрактного концепта «А» в сознании мгновенно всплывает ассоциативно связанный с ним конкретный концепт «Б».

Действительно, когнитивный подход к метафоре полагает, что задача описания концептуальных абстракций решается человеком не «с чистого листа», а с опорой на сформировавшиеся в прошлом ассоциативные связи, которые психологи называют архетипами, философы — прасимволами, лингвисты — семантическими универсалиями. Языковым коррелятом психологических терминов является прототипная метафора — регулярная, однотипная комбинация абстрактных и конкретных концептов, выра-

жающая объективированные, устоявшиеся, общепринятые для говорящих на английском языке способы членения действительности.

Прототипные метафоры хороши тем, что экономят когнитивные усилия и помогают быстро сориентироваться в бесконечном многообразии вещей, метафорически обозначив их. Недостаток прототипных метафор отмечен в отечественной концепции *лингвистических обязательств* [3], отметившей, что, произнося одно слово, человек берёт на себя обязательства по высказыванию других, а это связывает высказывание, придаёт ему стереотипность, клишированность, лишает творческого начала. Творческий характер метафорического выбора состоит в том, чтобы в сознательном эстетическом поиске описания абстрактного концепта отталкиваться от общепризнанных прототипных метафор, подмечать и создавать новые связи.

Итак, в когнитивном объяснении механизмов метафорического выбора нет обращения к глубинному ярусу смыслов исходных слов, здесь главный метод — подсчёт количества ассоциативных реакций на заданное слово-стимул, из которого может следовать вывод, что одни слова более общеупотребительно-частотны. Идя дальше в направлении поиска оснований метафорического выбора, когнитивные эксперименты показали, что чаще припоминают *образные* слова. Образные знания извлекаются из памяти «сразу целиком» в первые 500 м·с, и лишь затем сознание активизирует вербальные знания [13, с. 5–33]. Ещё одно предложенное когнитивными психологами объяснение, почему одни слова припоминают чаще других, — в том, что это — слова базового лексикона, усвоенные в раннем детстве. Они легче припоминаются потому, что закодированы в обоих полушариях головного мозга человека, в то время как знания, приобретённые позже, связывают с работой левого полушария [5].

Так когнитивная психология обозначила приоритетную сферу метафорического выбора — это термины родства, обозначения частей тела и природных явлений, которые первыми усваиваются человеком и принадлежат к ядру лексикона. В результате нашёл когнитивное подтверждение фундаментальный для лингвистики тезис об антропоцентризме языка. Теперь это перспективное направление активно разрабатывается корпореальной, телесной (лат.: ‘corpus’ — тело) семантикой [16], утверждающей, что сознание и язык основаны на телесном базисе, а устройство понятийного мира человека и семантики естественного языка обусловлено биологической природой человека.

То, что подаётся как новое в когнитивных исследованиях, возможно семантически объяснить в механизме *признакового конструирования* (ПК) — это механизм вычерпывания признаков из конкретной семантической области и предицирование их абстрактному денотату, при этом через систему импликаций открывается доступ к содержанию всего фрейма конкретной семантической сферы. Чтобы выйти на новый, цельный, системный уровень объяснения эвристически ценных механизмов метафорического выбора, необходимо было определить, что общего у различных семантических сфер. Этим общим является структура организации знаний — или фрейм, по разному заполненный конкретной лексикой, но стандартно включающий структурные слоты (субъект, объект, место и инструменты), динамичные слоты (предикаты начала, содержания, конца и результата действия) а также слоты, описывающие качественные характеристики действия.

Заметим, что в традиционном представлении механизм метафоры состоит в

переносе на обозначаемое или в субъективном приписывании ему по аналогии некоторых признаков обозначающего. Главным *достижением* исследования эвристической значимости метафорического выбора стало определение *объективной,* не случайной относительно общего знания основы метафорического выбора — этой основой являются типичные, стандартные, общепринятые в английском сообществе признаки предметных областей. Всё вышесказанное натолкнуло на формулирование следующей *гипотезы*: сам состав элементов предметной семантической сферы определяет приоритеты в описании абстрактного концепта, усиливая наиболее разработанные компоненты смысла и ослабляя, редуцируя менее значимые.

В результате исследования эвристической значимости метафорического выбора в приложении к 16 ведущим предметным сферам (строительная, книжная, текстильная, финансовая, дорожная, военная, мореплавательная, законодательная, научная, механическая, промышленная, живописная, антропоцентрическая, биологическая, стихийная или природная) английского языка был выявлен их различный (в зависимости от доминирующих структурных ‘S’, динамичных ‘D’ или качественных ‘Q’ семантических оснований) эвристический потенциал:

(1) Если выбраны строительная, книжная, текстильная или финансовая семантические сферы, богатые структурными ‘S’ признаками, то речь в метафорическом описании абстрактного концепта пойдёт о том, *«Как он устроен?»*.

(2) Если избраны дорожная, военная, мореплавательная или законодательная семантические сферы, в которых богато представлены динамичные признаки ‘D’, то в метафорическом описании абстрактного концепта речь, скорее всего, пойдёт о вариантах развития ситуации, о том, *«Как он действует?»*.

(3) Если избраны научная, механическая, промышленная или живописная семантические сферы, в которых наиболее разработаны качественные признаки ‘Q’, то в метафорическом описании абстрактного концепта речь пойдёт о том, *«Как он качественно изменяется?»*

(4) Если избраны антропоцентрическая, биологическая, стихийная или природная семантические сферы, в них ведущими являются все типы оснований метафорического выбора — как структурные ‘S’, так и динамичные ‘D’ и качественные ‘Q’, что позволяет одновременно говорить и об устройстве, и о действиях, и об изменениях абстрактного концепта, отвечать на вопрос *«Какова причина (происхождение) такой структуры, действий и изменений?»* В результате было установлено, что последний тип когнитивных моделей, объясняющий все возможные аспекты концептуальных абстракций, обладает наиболее мощным характеризующим потенциалом. Так, именно на когнитивно-семантическом уровне был доказана ведущая роль принципа антропоцентризма в языке и в метафорическом выборе. Человек выбирает то, что лучше знает. А лучше всего мы знаем себя!

Подтверждением универсальности доминирующих в метафорическом выборе антропоцентрических, естественных когнитивных моделей служит тот факт, что практически все типы концептуальных абстракций (идеи, творчество, язык, общество, история) осмысливаются как живые существа. В сравнительно-историческом языкознании язык рассматривается как сущность, обладающая «семейным сходством» (Л. Виттгенштейн) и проходящая стадии «становления, развития и распада» языковых форм. В органической социологии начала XX века (А. Сен-Симон, Г. Спенсер, И. С. Кон) общество рассматривается как живое существо, у которого роль «кровообра-

щения» играет торговля, функцию «головного мозга» исполняет правительство, экономическая жизнь сравнивается с «обменом веществ», а социальные конфликты сравниваются с глобальными «конвульсиями» (Э. Тоффлер). Общество, вырастая в цивилизацию, проходит стадии **«возникновения, роста, надлома и разложения»** (А. Тойнби).

Важным *следствием* сформулированной закономерности оказывается возможность объяснения изменений, эволюции концептуальной системы носителей языка — метафорический выбор направлен за пределы простого описания фактов к выяснению закономерностей функционирования и к их причинному объяснению. Оказывается, что установленные когнитивно-семантические закономерности метафорического выбора в разнородной семантической среде не противоречат, а соответствуют когнитивному повороту конца XIX, начала XX века от оперирующей индуктивными методами (наблюдение, испытание, эксперимент) позитивистско-сциентистской традиции познания действительности через упорядочивающий накопленный фактический материал структурализм-функционализм к объясняющей истоки персоналистско-экзистенциалистской традиции. Открытия когнитивной теории метафоры соответствуют новому типу постнеклассической рациональности, сущностью которого является появление среди объектов современной науки «природных комплексов» [11], в которые включён в качестве главного участника сам человек.

Удивительным, на первый взгляд, оказывается следование доминирующих тенденций метафорического выбора общему руслу развития человеческого познания, описывающего своего рода круг от власти субъективности к безраздельному господству объективных явлений и вновь к признанию субъективных феноменов. Но о тождестве принципов мышления и бытия (порядок и связь идей — те же, что и порядок и связь вещей) задумывались давно (Б. Спиноза). Далее, уже в XIX веке, диалектический материализм объяснял эволюцию познания природы — путь от исходного представления о конкретном предмете как нерасчленённом целом к его анализу и мысленному воссозданию в его целостности. В этой концепции непосредственное созерцание природы как нерасчленённого целого (охватывается общая картина, но не ясны частности) сменяется анализом природы (её членение, выделение и изучение отдельных вещей и явлений, причин и следствий, затушёвывающее универсальную связь явлений, общую картину) и должно вести к воссозданию целостной картины (связывание изолированного на основе уже познанных частностей). В труде «Логика и рост научного знания» К. Поппер выявил преемственность научных схем объяснения (совокупность неявно задаваемых регулятивных принципов познания), выраженную в смене общепринятых однозначно-детерминистских парадигм мышления эпохи механицизма функциональными и генетическими схемами объяснения. Но никогда прежде это не связывалось с объяснением механизмов метафорического выбора в разнородной семантической среде, на основе когнитивно-семантического анализа структуры лежащих в основании когнитивных моделей конкретных семантических сфер.

В доказательство универсальной направленности метафорического выбора, обусловленного общей направленностью исторического и материально-культурного развития, приведём историю метафорического осмысления центральных для человечества абстрактных концептов — атома и сознания. Так, об эволюции метафорического осмысления центрального концепта эмпирической науки —

атома говорит смена ключевых когнитивных моделей: «АТОМ > МЕХАНИЗМ > ПЛАНЕТА > СТИХИЯ». Как свидетельствует история науки, если эллины видели материю сплошной «кучей зерна», то учёным XVI–XVII веков атом представлялся в духе механицизма, как зубчатое «колёсико» со сцеплениями-«крючочками», зубцы которого подходят друг другу в случае растворения тел и не подходят — в случае их нерастворения (М. В. Ломоносов). В XIX веке произошёл слом механистической концептуальной аналогии, и ионы стали представлять как «осколки» молекул, несущих противоположные по знаку заряды (М. Фарадей). В начале XX века на смену механистической приходит «планетарная» модель атома, согласно которой роль Солнца выполняет ядро, а роль планет — связанные электрическим «притяжением» электроны, вращающиеся вокруг него по строго определённой «орбите». В целом XX век ознаменован возвратом к естественно-природным когнитивным моделям в понимании природы материи: ядерная физика вскрывает «неисчерпаемую» природу электрона, который может рождаться из нейтрона, гиперонов и мезонов с выделением нейтрино, может поглощаться и исчезать в атомном ядре при захвате, «сливаться» с позитроном. Для описания движения электрона вокруг атомного ядра в квантовой механике предложена аналогия «облака» с «размытыми» краями (Г. Резерфорд, А. Эйнштейн). Теорию света как «потока» фотонов разработал американский физик А. Комптон. Группы сонаправленных, генетически связанных частиц космического излучения сравнили с электронно-позитронными «ливнями» (П. Блэкетт и Дж. Оккиалини). Истечение плазмы Солнца именуется солнечным «ветром» (Е. Паркер).

Эволюцию претерпело также и понимание центрального концепта гуманитарных наук — ***сознания***. Об этом свидетельствует последовательная смена когнитивных моделей: «СОЗНАНИЕ > СТРОЕНИЕ > МЕХАНИЗМ > РАСТЕНИЕ». Так, в XVII веке эмпирики отождествляли психику со строением: память — это **«кладовая»** идей, в которой **«кирпичики»** ощущений связаны **«цементом»** ассоциаций (Т. Гоббс, Дж. Локк, Дж. Милль). В XVIII веке утверждается механическая когнитивная модель сознания, в соответствии с которой идеи, понятия и теории рассматриваются прагматиками (Г. Пирс, Дж. Дьюи, Дж. Мид) как **«инструменты»** действия, истинные в случае своей **«работоспособности»**. Новейшая компьютерная когнитивная модель рассматривает сознание как некий **«автомат».** Критика механицизма содержится в новой естественно-природной когнитивной модели сознания психологии XX века, подчеркивающей такие его стороны, как целостность, активность и творчество. Душевная жизнь, переживания и внутренний мир трактуются в модернизме как **«поток»** сознания в котором мысли, ощущения и внезапные ассоциации постоянно перебивают друг друга, причудливо переплетаясь (А. Брентано, У. Джеймс). Творчество противопоставлено субъективной технически-интеллектуальной деятельности конструирования, всего лишь комбинирующей старое, и рассматривается как непрерывное **«рождение, рост** и **созревание»** в сознании новых образов и переживаний (А. Бергсон, Ф. Дильтей, Л. Клагес, Г. Риккерт).

Подводя итог, говоря о перспективах дальнейшего исследования, отметим, что для полноты описания механизмов метафорического выбора необходимо ответить на вопрос: к*ем осуществляется метафорический выбор*? Дальнейшего глубокого изучения требует метафора не только как средство познания, но и как средство убеждения и воздействия, что, в

общем, соответствует коммуникативно-прагматическим тенденциям в развитии лингвистики с её обострённым интересом к человеку говорящему, к его отношению к выражаемому содержанию, к его воле, желаниям и убеждениям. Однако коммуникативно-прагматические характеристики метафорического выбора многочисленны и разнообразны — это культура и традиции носителей языка, их личностные особенности, ролевой статус и коммуникативные намерения. Открывающиеся перспективы изучения метафоры содержат много трудностей, «подводных камней», так как различны культурные типы сознания (европейский рационально-логичный и ориентальный образно-витиеватый); различны традиционные метафорические модели для разных культур (Путь-Дорога — у русских, Корабль и Механизм — у представителей английской нации); различно отношение к традициям и языковым нормам (уважение к стереотипам зрелых людей и языковое новаторство молодёжи); различны когнитивные стили мышления (знания экспертов расширяются, а знания неспециалистов углубляются). Даже сильные эмоции, суживая восприятие до оценочной шкалы «хорошо—плохо», влияют на метафорический выбор.

Выводы. В наше время многократного ускорения темпов развития информационных технологий, темпов научного развития и культурного творчества трансформируется сам способ мышления и познания мира. Человек разумный превращается в человека информационного. На языковом уровне это проявляется в смене познавательных установок, характерных для целых эпох. «…Общество не выживет, если не перейдёт от эпохи просвещения и эрудиции второго тысячелетия (с его лозунгом “Знание — сила”) к эпохе интеллекта третьего тысячелетия с лозунгом “Мышление — могущество”» [2]. Теперь интеллектуальный прогресс сказывается не в простом наращивании объёма знаний, а в развитии мыслительных способностей, в дополненном интуитивно-творческими методами логико-диалектическом освоении обществом механизмов мышления, в том числе и творческих в своей основе механизмов метафорического выбора.

В связи с этим становится очевидно, что основные усилия по разрешению проблем современности могут быть сосредоточены и в гуманитарной области — это осмыслить бытующие в сознании и языке установки, шаблоны, выраженные в традиционных, стереотипных, классических, ключевых метафорах. Специфика метафорического мышления состоит в преодолении соблазна готовых схем, в направленности познания от стереотипных, канонизированных к автономным, нестандартным способам осмысления непознанного. Исследование когнитивных механизмов метафорического выбора в их эвристической функции оказывается ценным именно потому, что способно показать трансформацию познавательных установок, стереотипов носителей языка. А это, в свою очередь, оказывается возможным в рамках современного, интегративного, когнитивно-семантического подхода, сочетающего как когнитивные данные о процессах мышления, так и семантические данные опыта метафорического выбора тех или иных семантических сфер, уже зафиксированного в словарях и литературе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель*. Поэтика. М.: Соцэкгиз, 1927. 183 с.
2. *Войтов А. Г.* История и философия науки: Учебное пособие для аспирантов. М.: Дашков и компания, 2005. 67 с.

3. *Жинкин Н. И.* Язык. Речь. Творчество. М.: Лабиринт, 1998. 366 с.

4. *Кубрякова Е. С.* Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М.: Наука, 1996. 245 с.

5. Нейропсихологический анализ межполушарной асимметрии мозга / Отв. ред. Е. Д. Хомская. М.: Наука, 1986. 206 с.

6. *Никитин М. В.* О семантике метафоры // Вопросы языкознания. 1979. № 1.

7. *Никитин М. В.* Лексическое значение слова. М.: Высшая школа, 1983. 123 с.

8. *Никитин М. В.* Курс лингвистической семантики. СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996. 760 с.

9. *Никитин М. В.* Основания когнитивной семантики. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. 120 с.

10. *Петров В. В.* Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 20–32.

11. *Степин В. С.* Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс — Традиция, 2000. 92 с.

12. *Телия В. Н.* Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М.: Наука, 1981.

13. *Clark J. M., Paivio A. A.* Dual Coding Perspective on Encoding Process / McDaniel M., Pressley M. (Eds.). Imagery and related Mnemonic Process. Theories, Individual Differences and Applications. 1987.

14. *Eysenk H. J.* A Model for Intelligence. Berlin: Springer, 1982.

15. *Koestler A.* The three Domains of Creativity in The Concept of Creativity by Denis Dutton, Martinus Nijhoff Publishers, London, 1981.

16. *Ruthrof H.* The body in language. London; New York: Cassell, 2000. 193 p.

17. *Shibles W. A.* Metaphor: an Annotated Bibliography and History. Whitewater, 1971. 122 p.

18. *Turner M. & Fauconnier G.* Conceptual integration and formal expression // Journal of Metaphor and Symbolic Activity. 1995. Vol. 10. № 3.